

«Просто представь, что тебя снимаю я», — Лян Сычжэ подошёл к камере. В голове прозвучали слова Цао Е.

После ухода Цао Е, Лян Сычжэ всё же не выдержал и позвонил Чжэн Иню. Он хотел вернуть Цао Е и отдать ему эту роль. Узнав об этом, Чжэн Инь бросил все дела и целый день искал Цао Е, обзвонил всех его «друзей-приятелей», о которых тот когда-либо упоминал, но всё безрезультатно. Цао Е словно исчез с лица земли. Тогда-то Лян Сычжэ и понял: если Цао Е захотел спрятаться, его не найдут, даже если перевернут весь мир.

Прослушивание состоялось, как и планировалось. Но вместо соревнования двух актёров, это превратилось в моноспектакль Лян Сычжэ. Цао Сююань вошёл в павильон. Чжэн Инь подошёл к нему и что-то тихо сказал, вероятно, о том, что Цао Е ещё не вернулся, и спросил стоит ли перенести прослушивание.

— Весь съёмочный процесс должен ждать одного человека? Абсурд! — Цао Сююань посмотрел на Чжэн Иня и при всех отчитал его. — Он ведёт себя безответственно, а ты ему потакаешь?

Чжэн Инь тут же замолчал, вздохнул и прошёл вслед за Цао Сююанем к монитору. После вспышки гнева Цао Сююаня в павильоне, где секунду назад стоял гул, воцарилась тишина. Слышно было только жужжание работающей аппаратуры.

Цао Сююань сел за монитор и бросил Лян Сычжэ:

— Сыграй эпизод, где сяо Мань следит за Пэн Янь, — и обратился к Чжэн Иню. — Дайте ему скрипку.

Ни сценария, ни указаний, с какого момента начинать и где заканчивать, ни малейшего времени на подготовку. У него была только скрипка в руках. Лян Сычжэ взял скрипку, поблагодарил Чжэн Иня и начал вспоминать сценарий. Тяжёлая атмосфера мешала ему сосредоточиться и войти в роль. «Вот если бы здесь был Цао Е, он бы быстро разрядил обстановку», — невольно подумал Лян Сычжэ. А потом подумал, что, если бы Цао Е был здесь, Цао Сююань бы так не хмурился. С самого начала он хотел, чтобы они соревновались за эту роль, а теперь, когда Цао Е бесследно исчез, все его планы рухнули. «Интересно, если бы это я ушёл без предупреждения, Цао Сююань тоже был бы так зол?»

— Готов? — поторопил Цао Сююань.

Лян Сычжэ очнулся. Он совсем не готовился, только и делал, что витал в своих мыслях. Но раз Цао Сююань спросил, ему придётся импровизировать. Пока он шёл к камере со скрипкой в руках, в его голове был полный хаос: диалоги Пэн Янь и сяо Маня, его обсуждение этой сцены с Цао Е, как они сидели на крыше... Множество образов быстро сменяли друг друга, не давая ему сосредоточиться на роли.

Он встал перед камерой. Чёрный объектив смотрел на него. Ему должно было быть страшно, но вдруг все мысли улеглись, и в голове осталась только одна фраза: «Просто представь, что тебя снимаю я». В этот момент Лян Сычжэ вдруг успокоился. Сцены из сценария одна за другой оживали перед его глазами. Сяо Мань следил за Пэн Янь... В предыдущей сцене сяо Маня со скрипкой за спиной окружила банда хулиганов, требующих денег. Мимо проходила Пэн Янь и отчитала их... Начну отсюда.

Лян Сычжэ обнял скрипку и лёг на бок, свернувшись калачиком, чтобы защитить инструмент. Затем, опираясь на руку, он неуверенно встал. Пробежав несколько шагов со скрипкой, он оглянулся на хулиганов и увидел, что они не идут за ним, замедлил шаг и остановился в нескольких метрах от Пэн Янь. Затем тихо пошёл за ней. Немного нервничая, он невольно пошевелил пальцами, держащими скрипку, и случайно задел струну. Струна запела. Сяо Мань не ожидая этого, вздрогнул и неловко остановился, глядя на обернувшуюся Пэн Янь.

— С-спасибо, — начал юноша, сжимая гриф скрипки. — Я имею в виду, только что...

— Момент со струной был тобою запланирован? — перебил его Цао Сююань.

— Нет, — Лян Сычжэ вышел из образа Сяо Маня. — Я задел случайно.

— Тогда почему не остановился?

— Я подумал, что реакция сяо Маня на звук струны будет похожа на мою собственную, и это не помешает общей картине, поэтому продолжил играть.

Цао Сююань смотрел на него несколько секунд с непроницаемым выражением лица. Лян Сычжэ не знал, как он сыграл. Вдруг он вспомнил, как тем утром у лапшичной «Лао Ду» Цао Сююань смотрел на него точно так же и говорил, что такие, как он, в актёрском мастерстве либо гении, либо глупцы. Сейчас ему было всё равно, гений он или глупец. Он просто надеялся, что его игра оправдала тот шанс, который ему дал Цао Е. Если Цао Сююань останется недоволен и выберет другого актёра, он не знал, как сможет смотреть в глаза Цао Е.

Цао Сююань так и не сказал, хорошо он сыграл или плохо. Он просто подозвал стилиста а-Чи и попросил его подстричь Лян Сычжэ прямо сейчас.

Чжэн Инь подошёл к стилисту и начал обсуждать причёску:

— Сделайте, как мы договаривались. Только Юань-гэ считает, что у него слишком красивые глаза, поэтому оставьте спереди волосы подлиннее, чтобы немного прикрыть их. Но не переборщите, пусть всё будет естественно...

— Понял, Инь-гэ, — ответил стилист. — Стрижка должна выглядеть так, как будто он собирался постричься, но ещё не успел этого сделать.

— Точно! — засмеялся Чжэн Инь. — Прекрасное сравнение.

Пока стилист стриг Лян Сычжэ, Цао Сююань сидел рядом, правил сценарий и время от времени давал Чжэн Иню указания:

— Не забудь отдать Сычжэ новый сценарий.

— Конечно, Юань-гэ.

— Скрипка недостаточно состарена. Купите новую и сделайте всё заново.

— Хорошо, я скажу Хуэй-гэ.

— Свет в спальне сяо Маня слишком белый. Нужно приглушить.

— Будет сделано.

За этот час, пока Лян Сычжэ стригли волосы, Цао Сююань успел дать с десяток указаний. Он говорил всё подряд, обрывочно и сумбурно. Лян Сычжэ поражался, как Чжэн Инь всё это запоминает. Он вспомнил слова Цао Е: «Дядя Инь как Доразмон. Нет ничего, что он не смог бы сделать для моего отца». Посидев здесь всего ничего, Лян Сычжэ уже сам в этом убедился.

Когда стрижка была закончена, Чжэн Инь позвал:

— Юань-гэ!

Цао Сююань поднял голову, посмотрел на Лян Сычжэ и кивнул:

— Хорошо.

Потом он попросил Лян Сычжэ встать перед камерой и повернуться, как на прослушивании. Затем Цао Сююань встал из-за монитора и сказал, глядя на Лян Сычжэ:

— Съёмки начинаются во вторник. В ближайшие дни съезди с Чжэн Инем, осмотрите площадки. И ещё — сбрось десять килограмм.

Лян Сычжэ ответил:

— Хорошо, Цао-лаоши, — Цао Сююань развернулся и вышел из павильона.

Как только он ушёл, Чжэн Инь начал обзванивать осветителей, реквизиторов, художников, декораторов... Он подробно передавал все указания Цао Сююаня, гораздо детальнее, чем тот сам. После этих звонков даже Лян Сычжэ начал понимать, что именно хотел Цао Сююань.

Когда Чжэн Инь закончил звонить, стилист а-Чи восхищённо сказал:

— Инь-гэ, у тебя какая-то особая память! Ты ничего не забыл из того, что сказал Цао Сююань!

— Как бы я посмел забыть? — Чжэн Инь закурил сигарету и со смехом ответил. — Этим я и зарабатываю себе на жизнь.

Через несколько дней начались съёмки фильма «Тринадцать дней», и Лян Сычжэ официально присоединился к съёмочной группе в роли сяо Маня. С ним играли известные актёры, о которых он давно слышал. Роль тёти Фан исполняла почтенная Лю Юань, обладательница наград множества кинофестивалей. Роль Пэн Янь играла Ху Юйсы, популярная актриса, известная своими соблазнительными образами. Даже актёр, игравший эпизодическую роль владельца мясной лавки по соседству, был известным актёром, снимавшимся у многих именитых режиссёров.

Вся съёмочная группа была первоклассной, и только Лян Сычжэ был новичком. Во время съёмок почти вся группа работала на него. Каждый актёр давал ему советы, а Цао Сююань лично занимался с ним, порой переснимая один дубль десятки раз. Один только короткий эпизод, где сяо Мань делает уроки, а тётя Фан зовёт его налить воды, и он идёт к двери — меньше десяти секунд экранного времени — снимали два дня. Нужно было показать нетерпение сяо Маня, но не слишком сильное. После ответа он должен был немного помедлить, прежде чем встать, но и медлить слишком долго тоже было нельзя. Вставая, он должен был что-то пробормотать, но что именно — в сценарии не было указано, нужно было импровизировать.

Первые две недели после начала съёмок были для него самыми мучительными. Его постоянно ломали и переделывали, заставляли повторять всё снова и снова. Лян Сычжэ вспомнил слова Цао Сююаня о гениях и глупцах. Он решил, что он, должно быть, глупец, раз не может угодить режиссёру и после десятков дублей.

Цао Сююань был терпелив. Он сидел за монитором и, сколько бы раз ни кричал: «Стоп!», сохранял серьёзное выражение лица. Не раздражался, не злился, снова и снова объяснял Лян Сычжэ, как нужно играть, а иногда даже сам показывал.

Сцену, где Пэн Янь учит сяо Маня курить, снимали до полчетвёртого утра. Когда работа была закончена, вся съёмочная группа вздохнула с облегчением. Лян Сычжэ чувствовал себя виноватым перед всеми. Он всегда старался не доставлять никому хлопот, но из-за него сотни людей тратили своё время. Он чувствовал себя никчёмным — почти двадцать дублей, с восьми вечера до полчетвёртого утра.

После съёмок Лян Сычжэ не поехал в отель вместе со съёмочной группой. У него было плохое настроение, и он решил прогуляться. Пройдя несколько сотен метров, он услышал позади сигнал автомобиля. Он обернулся. Чжэн Инь подъехал к нему и опустил стекло:

— Садись.

Сначала Лян Сычжэ не захотел садиться в машину. Ему хотелось побыть одному, но Чжэн Инь настаивал, и ему пришлось открыть дверь и сесть.

— Уже сдаёшься? — спросил Чжэн Инь, трогаясь с места.

— Нет, я справлюсь, — ответил Лян Сычжэ. Этот шанс ему дал Цао Е. Многие мечтали о такой съёмочной группе и таких партнёрах. Он должен был довести дело до конца, стиснув зубы, иначе он не смог бы смотреть в глаза Цао Е.

— Тогда ты потерял веру в себя?

Лян Сычжэ помолчав, ответил:

— Я помню, вы говорили, что я, возможно, не гожусь для актёрской профессии.

— Мои слова не стоит принимать близко к сердцу, — засмеялся Чжэн Инь. — Раз уж режиссёр Цао утвердил тебя на роль, значит, ты перспективный актёр. Да и что это за трудности? Чжан Минхань снимал пятисекундный эпизод целую неделю, но в итоге справился и получил приз как лучший дебютант. А ты всего два дня провозился с первым эпизодом. Это уже неплохо.

В последние дни Лян Сычжэ чувствовал себя подавленным из-за съёмок. Он держал всё в себе, и ему не хотелось, чтобы Чжэн Инь думал, будто он сдаётся из-за многочисленных дублей. Подумав, он всё же решил сказать, что его беспокоит:

— Меня-то всё устраивает. Я и раньше часами репетировал на скрипке. Но мне неловко тратить на это время всей съёмочной группы.

— Ты... не такой, как я думал, — Чжэн Инь рассмеялся. — Я думал, тебе всё равно, что думают другие. — Он немного помолчал и продолжил: — И не стоит думать о съёмочной группе так поверхностно. Они не из-за тебя снимают дубль за дублем, а из-за режиссёра Цао. Если он скажет снять сто дублей, они снимут сто дублей, потому что знают, что это нужно для фильма, а не для кого-то одного. Они верят в него, и ты тоже должен верить.

Лян Сычжэ кивнул.

«Съёмочная группа — удивительное место», — думал Лян Сычжэ, лёжа в постели в отеле. Раньше он не испытывал симпатии к Чжэн Иню, но, наблюдая за тем, как он ловко управляет со всеми группами и решает возникающие проблемы, он проникся к тому уважением. Неудивительно, что Цао Е всегда с такой теплотой называл его «дядя Инь». То же самое было и с Цао Сююанем. После двух недель работы с ним Лян Сычжэ полностью понимал, почему Цао Е говорил о нём с таким восхищением. У Цао Сююаня действительно был талант располагать к себе людей и внушать доверие. «Если бы Цао Е снимался в этом фильме, их отношения с Цао Сююанем, наверное, наладились бы». Лян Сычжэ смотрел в потолок. Казалось, Цао Сююань был гораздо терпеливее с актёрами, чем с собственным сыном.

Более двух месяцев Лян Сычжэ словно разбивали и лепили заново, пока он, наконец, не вжился в роль и не стал сяо Манем. Войдя в образ, он стал играть всё лучше и лучше, легко импровизируя в ответ на реплики других актёров, даже если их не было в сценарии. Но его настроение не улучшилось, наоборот, он чувствовал всё большую подавленность: подавленность сяо Маня. В то же время он чувствовал влечение к Пэн Янь. В перерывах между съёмками он смотрел на Ху Юйсы, не отрывая глаз. Временами он не мог понять, кто он — Лян Сычжэ или сяо Мань, и кого он любит — Ху Юйсы или Пэн Янь.

Цао Сююань сказал, что это лучшее состояние для начинающего актёра, что не всем удаётся так полностью погрузиться в роль. Чтобы Лян Сычжэ ещё глубже вжился в образ, он потребовал, чтобы все актёры, находясь на съёмочной площадке, общались друг с другом, как их персонажи. Поэтому, кроме Ху Юйсы, у Лян Сычжэ на съёмках не было друзей. Все наблюдали, как он постепенно превращается в сяо Маня, одинокого и замкнутого. Все понимали: если сяо Мань оживёт, фильм будет иметь успех.

«Тринадцать дней» снимали больше года. Цао Сююань без устали переснимал дубль за дублем, пока каждая сцена не соответствовала его видению. Большую часть времени Лян Сычжэ не понимал, что и как он играет, просто полагаясь на интуицию. Если Цао Сююань был недоволен, он менял свою игру, пока тот не оставался доволен. Что касается Цао Е, то, с тех пор как он погрузился в роль, Лян Сычжэ почти не вспоминал о нём.

Иньсы казалась такой далёкой, как сон, в реальности которого он не был уверен. Тот яркий, живой юноша был далёк от жизни сяо Маня. Сяо Мань был одинок. В его жизни был только один яркий луч — Пэн Янь. Он мог лишь тайком наблюдать, наблюдать, наблюдать... Его радость была украденной, скрытой, невыразимой.

В июне следующего года съёмки дошли до кульминации. Сяо Мань должен был раскрыть секрет Пэн Янь, его иллюзии должны были быть разрушены.

В конце июня в Пекине неожиданно началась эпидемия гриппа. Сначала начал чихать осветитель, затем грипп быстро распространился по съёмочной группе. Чих следовал за чихом, что стало мешать съёмкам. Когда грипп добрался и до оператора, и его чихание сорвало съёмку, Цао Сююань снова вышел из себя. Он бросил сценарий и объявил трёхдневный перерыв, пригрозив уволить любого, кто будет чихать после возвращения. Три дня спустя съёмки возобновились, и чихи действительно прекратились.

На тот день было запланировано две важные сцены: утром — сцена домашнего насилия над

Пэн Янь, а после обеда — сцена убийства, совершенного сяо Манем. Утренние съёмки прошли гладко. Ху Юйсы и Цзя Фань справились с задачей за три дубля, и Цао Сююань остался доволен. Вся группа настроилась на съёмку послеобеденной сцены убийства.

Съёмки проходили в полуразрушенном многоквартирном доме. Лян Сычжэ сидел на деревянном стуле, предоставленном съёмочной группой, и читал сценарий, готовясь к сцене, где сяо Мань поднимается по лестнице. Он только начал погружаться в роль, когда к нему подошёл ассистент и сказал:

— Сычжэ, к тебе пришёл друг.

— Хм? — Лян Сычжэ поднял голову. — Кто может меня искать? — И тут же понял, что это, должно быть, Цао Е.

Ассистент не знал Цао Е и с улыбкой ответил:

— Симпатичный парень. Сказал, что он твой друг. Сычжэ, у тебя все друзья такие красивые?

И правда, никто, кроме Цао Е, не стал бы его искать на съёмочной площадке. Лян Сычжэ закрыл сценарий, свернул его в трубочку и пошёл туда, куда указывал ассистент. Он шёл как в тумане, не веря, что это происходит на самом деле. После долгого пребывания в роли он часто путал реальность с игрой.

Выбежав из переулка, он увидел Цао Е неподалёку. Юноша стоял, выпрямив спину, казалось, он стал немного выше. Стоя на солнце, он сиял, словно нефрит, и, слегка приподняв подбородок, смотрел в сторону многоквартирного дома. Внезапно Лян Сычжэ вышел из образа сяо Маня. Давившая на него почти год тоска мгновенно рассеялась, и на душе стало легко. Он даже не заметил, как мимо прошла Ху Юйсы. Только когда она окликнула его, он обернулся и, не останавливаясь, ускорил шаги в сторону Цао Е.

Подойдя к Цао Е, он посмотрел на него с нескрываемой радостью и удивлением:

— Ты приехал! Почему не предупредил заранее?

Цао Е словно смотрел в пустоту. Он не заметил, как подошёл Лян Сычжэ, и только когда тот заговорил, очнулся и пробормотал, как будто в забытьи:

— Ты постригся.

— Ага, — Лян Сычжэ улыбнулся и провёл рукой по волосам. — Образ сяо Маня. Как тебе?

Он вдруг очень чётко осознал, что сяо Мань — это всего лишь роль, а он — Лян Сычжэ. За последний год он никогда не чувствовал это так ясно.

— Хорошо выглядишь, — сказал Цао Е.

— Когда ты вернулся в Китай? — спросил Лян Сычжэ. Он почувствовал, что с Цао Е что-то не так. Он выглядел подавленным и рассеянным. — Что случилось?

Цао Е молча смотрел на него. Лян Сычжэ заметил капельки пота на его лбу и сухие губы. Было очень жарко и безветренно. Солнце нещадно палило, вызывая жажду. Лян Сычжэ посмотрел на жгучее солнце, прищурился, взял Цао Е за запястье и повёл его к ближайшему дереву:

— Жарко? Пойдём в тень.

Год назад это было бы обычным жестом, но на этот раз Цао Е вырвал руку.

— Что случилось? — Лян Сычжэ посмотрел на него.

— Ничего, — ответил Цао Е, по-прежнему выглядя подавленным.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130278>